

Датчанск. дунѣт «dröhnen».

Этѣ слово очевидно родственное съ сар. dīvanati «тонѣ»,
dīvanīš «грависчанд, браусенд», древнеслав. дунѣти и др.

Авест. nābza-

Авест. nābza- «Spitze (spez. der Nadel)», можетъ быть,

В. А. Богородицкій, заслуженный ординарный проф. Императорскаго Казанскаго университета. Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку. Изданіе 2-ое, исправленное и значительно дополненное. Казань 1909. VI+460. Цѣна 2 р. 50 к.

Очерки эти слѣдующіе: 1) Семейства и типы языковъ и ихъ характеристика; 2) обзорѣніе „аріо-европейскихъ“ языковъ; 3) къ вопросу о смѣшанныхъ языкахъ; 4) объ изученіи русской рѣчи; 5) краткая фізіологія звуковъ примѣнительно къ русскому языку; 6) классификація звуковъ съ точки зрѣнія анатоми-фізіологической и слуховой; 7) наблюденія посредствомъ мышечнаго чувства надъ произношеніемъ звуковъ русскаго языка; 8) физико-акустическая сторона произношенія; 9) очеркъ фізіологіи произношенія языковъ французскаго, англійскаго и нѣмецкаго сравнительно съ русскимъ; 10) о русскомъ правописаніи; 11) изученіе малограмотныхъ написаній; 12) о вліяніи на ударяемые гласные твердости и мягкости сосѣднихъ согласныхъ въ общерусскомъ языкѣ; 13) гласные безъ ударенія въ русскомъ языкѣ; 14) русскій текстъ въ научно-фонетической транскрипціи; 15) наблюденія надъ измѣненіемъ высоты тона въ отдѣльныхъ словахъ и въ предложеніи; 16) этюдъ по психологіи рѣчи; 17) введеніе въ морфологію; 18) объ основныхъ факторахъ морфологическаго развитія языка; 19) о частяхъ рѣчи; 20) психологія поэтическаго творчества въ отношеніи съ научнымъ; 21) важнѣйшія данныя сравнительной фонетики „аріо-европейскихъ“ языковъ; 22) нѣсколько страницъ изъ исторіи звуковаго развитія русскаго языка; 23) обзоръ надежныхъ окончаній именного склоненія въ „аріо-европейскихъ“ языкахъ; 24) обзоръ личныхъ окончаній глагола въ „аріо-европейскихъ“ языкахъ; 25) о начальномъ преподаваніи русской грамматики. Одно это оглавленіе уже свидѣтельствуетъ о разнообразіи предметовъ, изучаемыхъ авторомъ, и до извѣстной степени можетъ замѣнить собою болѣе подробный пересказъ содержанія. Въ виду популярности изложенія, можно эту книгу рекомендовать всѣмъ интересующимся наукою о языкѣ, въ особенности же преподавателямъ языковъ и словес-

ности; также лица, которые сами работают въ области языковѣдѣнія, могутъ ее прочесть не безъ пользы для себя, такъ какъ мы тутъ имѣемъ дѣло не только съ передачею общеизвѣстныхъ (среди лингвистовъ) фактовъ, но также съ новыми вкладами въ науку, въ особенности въ изслѣдованія по физиологiи звуковъ (по преимуществу русскаго языка). Подробная рецензія на 1-ое изданіе этихъ Очерковъ, помѣщенная въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1903 годъ (апр. 279—334 и май 1—39) профессоромъ Бодуэномъ-де-Куртенэ, избавляетъ меня отъ необходимости дать обстоятельную оцѣнку и подробный разборъ этого 2-го изданія, которое авторъ по справедливости называетъ исправленнымъ, такъ какъ указанія рецензента въ большинствѣ случаевъ приняты имъ во вниманіе. Но все-таки осталось еще нѣсколько ошибокъ и неточностей, на которыя я здѣсь укажу въ виду того, что авторъ намѣренъ приступить еще къ новому изданію, какъ узнаемъ изъ предисловія къ этому второму изданію.

На стр. 22 говорится: „Литовская семья подраздѣляется на двѣ группы: 1) группа *литовская* въ тѣсномъ смыслѣ и 2) группа *латышская*. Къ группѣ литовской въ тѣсномъ смыслѣ принадлежалъ языкъ *древне-прусскій*“. А, между тѣмъ, всякому, кто хоть сколько-нибудь занимался балтійскими языками, извѣстно, что балтійскіе языки распадаются на группу *литовско-латышскую* и *древне-прусскую*. Не совѣмъ точно также сообщеніе (на той же стр.), что прусскій языкъ сохранился только въ памятникахъ отъ XVI вѣка, такъ какъ эльбингскій нѣмецко-прусскій словарькъ относится къ болѣе раннему времени. — „Незначительная“ часть Витебской губерніи, занимаемая латышами (на той же стр.), представляетъ собою цѣлыхъ три уѣзда.

На стр. 275 аттичскія формы вин. п. множ. ч. $\rho\acute{o}\lambda\epsilon\iota\varsigma$, $\gamma\lambda\omicron\kappa\epsilon\iota\varsigma$, $\epsilon\upsilon\gamma\epsilon\upsilon\epsilon\iota\varsigma$ объясняются „графической“ аналогіей къ имен. п. множ. ч., „вслѣдствіе наступившей одинаковости произношенія $\epsilon\iota$ и η “. Эта одинаковость наступила однако въ аттическомъ нарѣчiи, какъ извѣстно, не раньше конца второго вѣка *послѣ* Р. Хр., когда и $\bar{\epsilon}$, обозначаемое черезъ η , перешло въ $\bar{\iota}$, между тѣмъ какъ $\epsilon\iota$, каковаго бы происхожденія оно ни было, въ аттическомъ, какъ то же общеизвѣстно, стало произноситься какъ $\bar{\iota}$ уже въ третьемъ столѣтiи *до* Р. Хр., такъ что предлагаемое проф. Богородицкимъ объясненіе, очевидно, невозможно. То же самое слѣдуетъ сказать объ объясненіи, данномъ тамъ же для формы $\gamma\acute{\epsilon}\nu\eta$ въ значеніи им. и вин. п. двойств. ч.

Тамъ же и на стр. 411 такъ называемый „дательный самостоя-

тельный“ въ славянскомъ объясняется какъ первоначальный *locativus absolutus*; а между тѣмъ, какъ извѣстно, *dativus absolutus* имѣется также въ литовско-латышскомъ, гдѣ его никакъ нельзя выводить изъ мѣтнаго падежа, а славянскій *dativus absolutus*, вѣроятно, стоитъ въ связи съ литовско-латышскимъ.

На стр. 277 и 395 утверждается, что окончаніе *-ius* вмѣсто *-is* (sic!) въ „мягкомъ второмъ“ склоненіи „классической латыни“ возникло по аналогіи къ соответствующему „твердому“ склоненію, и объясняются „древне-латинскія“ *alis* (= *alius*), *Cornelis* изъ **al-ies* (откуда, однако, *e* вмѣсто *o*?) > *-iis* > *-is*, **Cornelies* (sic!) > *-iis* > *-is*, такъ что читатель можетъ прийти къ неправильному заключенію, будто бы окончаніе *-ius* возникло только въ классической латыни на мѣстѣ древне-латинскаго *-is* (откуда, впрочемъ, г. Богородицкій знаетъ, что въ *alis*, *Cornelis* было долгое *i*?). А между тѣмъ по памятникамъ, какъ извѣстно, окончаніе *-ius* древнѣе окончанія *-is* (имѣются даже надписи, гдѣ вмѣсто *u* въ *-ius* читается еще древнее *o*); что касается формы *alis*, то Плавтъ и Теренцій ея вовсе не знаютъ, и средній родъ *alid* (съ краткимъ *i*) встрѣчается впервые у Лукреція, между тѣмъ какъ достовѣрно засвидѣтельствованныя формы мужескаго рода *alis* впервые встрѣчаются немножко позднѣе Лукреція, и притомъ главнымъ образомъ въ сочетаніи *alis alium*, такъ что весьма правдоподобна гипотеза Зоммера, по которой это *alis* первоначально и возникло въ сочетаніи *alius alium* (ср. Sommer, Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre, 365 слл., и Idg. Forsch., 24, 18 слл.).

Въ выноскѣ той же 277 стр. читаемъ, что, быть можетъ, славянскій суффиксъ *-vo* (въ род. п. ед. ч. мѣстоименнаго склоненія) находится въ родствѣ съ греческимъ суффиксомъ *-fo* (того же падежа), встрѣчающимся въ одной коркирской надписи; окончаніе *-afō* мы знаемъ теперь также изъ одной гельской надписи, но *f* въ немъ, вѣроятно, представляетъ собою просто переходный звукъ отъ *a* къ *o*; ср. Brugmann, Griechische Grammatik³ 224.

На стр. 336¹ говорится, что въ готскомъ имѣется слово *wagan* „currus“. Слово это не готское, но древне-верхненѣмецкое; въ готскомъ же оно имѣло бы форму **vagns*.

На стр. 337 въ числѣ формъ съ индоевропейскимъ краткимъ *a* дается также „древне-латинское“ *acrus* (= *acer*); формы по второму склоненію мнѣ извѣстны не изъ древней латыни, но изъ болѣе поздняго времени, при чемъ краткость начальнаго *a* нигдѣ не засвидѣтельствована, между тѣмъ какъ обычное *acer*, какъ извѣстно, имѣетъ долгое *a*.

Въ выносѣ на стр. 337 сл. утверждаетъ авторъ, что въ славянскомъ не только *o* сохранилось въ видѣ *o*, но и *ā* измѣнилось въ *o*, и что это измѣненіе произошло еще въ эпоху „литво-славянскую“, причемъ еще для „основно-литовскаго“ необходимо предположить совпаденіе *ō* и *ā* въ видѣ *ō*, а это будто бы подтверждается тѣмъ, что при „нѣкоторыхъ фонетическихъ условіяхъ“ (какихъ?) вмѣсто обычнаго *a* имѣется *u*, наприм., *ignis* „огонь“, предполагающее болѣе раннюю ступень не *a*, но *o*; самое же убѣдительное доказательство авторъ находитъ въ жемайтскомъ нарѣчьи, гдѣ вмѣсто тавтосиллабическаго *an* видимъ *on*. Это „убѣдительное“ доказательство было бы еще болѣе внушительно, если бы тутъ было упомянуто, что и латышское *ī* (= лит. *an*) предполагаетъ болѣе древнее *on* (не *an*), къ которому восходить также восточно-литовское *un*, но пренебрегать данными латышскаго языка принято считать позволительнымъ. Если мы однако вспомнимъ, что и въ другихъ языкахъ гласные передъ носовыми становятся болѣе закрытыми (такъ, наприм., въ провансальскомъ, въ армянскомъ и также въ языкѣ авесты, гдѣ *a* передъ носовыми при невыясненныхъ еще условіяхъ перешло въ *ə*; относительно же характера этого звука ср. то обстоятельство, что *ə* является часто замѣнъ *o* и Bartholomae, Zum altiranischen Wörterbuch 54), и что рядомъ съ *on*, *un* (на мѣстѣ первоначальнаго *an*) въ литовскихъ говорахъ имѣются *en* (съ закрытымъ *e*), *in* (на мѣстѣ первоначальнаго *en* съ открытымъ *e*), то доказательство, представленное г. Богородицкимъ, повидимому придется считать менѣе убѣдительнымъ. Что же до лит. *ignis*, латышск. *iguns* „огонь“ (возникновеніе этого *iguns* и восточно-латышскаго *gins* объясняется, можетъ быть, вліяніемъ русскаго *огонь*) и лит. *ūrē*, латышск. *ure* (рядомъ съ прусск. *are!*) „рѣка“, то ихъ начальное *u* (вмѣсто ожидаемаго *a*) въ данномъ случаѣ не можетъ имѣть никакой доказательной силы, пока г. Богородицкому не удастся выяснить, почему предполагаемое имъ *o* перешло въ *u* только въ этихъ двухъ словахъ, а не также въ прочихъ формахъ. Принимая наконецъ во вниманіе, что также въ сосѣднемъ индо-иранскомъ (въ правильности своего ученія о переходѣ на индо-иранской почвѣ праязыковаго *o* въ открытыхъ слогахъ въ *ā* теперь меньше увѣренъ и самъ Бругманъ, какъ показываютъ его новѣйшіе труды, и, въ самомъ дѣлѣ, послѣ опроверженія гипотезы о двухъ различныхъ индоевропейскихъ *o* нельзя отстоять и правило о переходѣ *o* въ *ā*), албанскомъ и (по крайней мѣрѣ, въ корневыхъ слогахъ) германскомъ *o* перешло въ *a*, я подобно другимъ языковѣдамъ полагаю, что въ связи

съ этимъ также въ славяно-балтійскомъ первоначальное *o* перешло въ *a*, а затѣмъ на славянской почвѣ вмѣстѣ съ первоначальнымъ *a* въ *o*, ср. Сборникъ статей, посвященныхъ Ф. Θ. Фортунатову 557, Mahlow, Die langen Vocale A E O 2, Meillet Introduction² 380 Kretschmer AfslPh. 27, 228 сл., van Wijk PBrB., 28, 250¹, Charpentier AfslPh., 29, 1.

На стр. 339 говорится, что въ „аріо-европейскомъ“ праязыкѣ предполагается (вѣрнѣе было бы: предполагалось) еще существованіе особаго *ō* (также *ō̄*), не чередовавшагося съ *ē*, и что для опредѣленія этого *o* особенно важны указанія армянскаго языка, въ которомъ оно отражается въ видѣ *a*, между тѣмъ какъ рефлексомъ для другого *o* служить *o*; напр., греческимъ словамъ *πόσις*, *ῥοση* соотвѣтствуютъ въ армянскомъ *hai* (sic!), *aĭkh* (sic!). Послѣ статьи Педерсена KZ., 36, 86 слл. однако, проф. Богородицкій могъ бы подобно Бругману предать забвенію эту несчастную идею де-Соссюра и Бартоломэ о двухъ различныхъ *o*.

На стр. 330 приводится греческ. *εἶδρα*: въ значеніи „вижу“; мнѣ же, и, вѣроятно, и самому автору, оно извѣстно только въ значеніи „показываюсь, уподобляюсь“.

На стр. 341 приводится латинское *ii* (съ долгимъ *i*) „идеть“. Слѣдовало, однако, упомянуть, что въ классической латыни *i* тутъ (передъ *-t*) сокращено, такъ какъ читатели, занимавшіеся латинскимъ языкомъ только въ гимназій (гдѣ Плавта и Энія не читаютъ), иначе могутъ быть въ недоумѣніи. Опасность эта, правда, не велика, такъ какъ въ нашихъ гимназіяхъ (и отчасти даже университетахъ), насколько мнѣ извѣстно, мало обращаютъ вниманія на количество гласныхъ въ латинскомъ языкѣ.

Въ выноскѣ на стр. 342 авторъ говоритъ относительно славянскаго *-и* рядомъ съ *-ь* (изъ *-oi*; напр., прксл. им. п. множ. ч. *вльци* рядомъ съ мѣстн. п. ед. ч. *вльцинь*): „Эту варицію въ славянскомъ отраженіи конечнаго ае. **-oi* современная лингвистика старается связать съ различіемъ характера первоначальнаго ударенія, основывая такое предположеніе между прочимъ на томъ, что въ греч. въ соотвѣтствующихъ формахъ наблюдается именно неодинаковость ударенія, ср. *οἴχοι* (l. sg.) || *οἴχοι* (n. pl.)“. Читатель послѣ этого долженъ прійти къ заключенію, что, при нисходящей интонаціи (циркумфлексъ; ср. греч. *Ἰσθμοῖ* рядомъ съ *οἴχοι*) окончанія *-oi*, оно въ славянскомъ даетъ *-ь* (вльцѣ), при восходящей же интонаціи (акутъ; ср. *χαλοῖ* рядомъ съ *οἴχοι*) *-и* (вльци), между тѣмъ какъ тѣ лингвисты, которыхъ тутъ

г. Богородицкій, повидимому, имѣлъ въ виду, держатся какъ разъ противоположнаго мнѣнія.

На стр. 344, гдѣ идетъ рѣчь объ отраженіи индоевропейскаго дифтонга *ei*, въ числѣ формъ, представляющихъ рефлексъ этого дифтонга, приводятся лит. *baudži* „наказываю“, *raugii* (sic! Откуда это удареніе? Куршатъ въ своемъ словарѣ даетъ это слово безъ ударенія; корень же его имѣетъ нисходящую интонацію, такъ что ожидается удареніе тутъ на корневомъ слогѣ, ср. *riaugiu* въ грамматикѣ Шлейхера 245) или *riaugti* „отрыгаю“ и даже *liūbiu* „имѣю привычку“ (почему въ первомъ случаѣ *ei* отражается въ видѣ *ai*, во второмъ—въ видѣ *'ai* и въ третьемъ—въ видѣ *'ū*,—объ этомъ и рѣчи нѣтъ), хотя Бодуэнъ-де-Куртенэ въ своей рецензіи уже напомнилъ автору, что лит. *liūbiu*, вѣроятно, заимствовано изъ славянскихъ языковъ (если же оно не заимствовано, то его *ū* восходитъ, разумѣется, не къ индоевропейскому *ei*, но къ *ū*). И дѣло мало измѣняется къ лучшему, если въ выноскѣ къ этому мѣсту говорится: „Нѣкоторое отступленіе представляетъ отраженіе дифтонга **ei* на почвѣ литовскаго и славянскаго. Тамъ **ě* обычно отражается въ видѣ *e*, между тѣмъ какъ въ дифтонгѣ **ei* въ положеніи передъ согласными мы встрѣчаемъ измѣненіе *ě* въ *i* и затѣмъ въ *j*, подъ вліяніемъ котораго смягчается предшествующій согласный... Однако, нѣкоторые изслѣдователи считаютъ нормальнымъ отраженіемъ *ae*. **ei* передъ согласными въ литов. въ видѣ *ai* или *iau*..., т. е. принимаютъ измѣненіе **ei*→*oi* (лит. *ai*)..., при чемъ стадія *oi* относится въ эпоху литво-славянскую; особенность же рефлекса въ лит. *liūbiu* они объясняютъ тѣмъ, что признаютъ это слово заимствованнымъ“. Если бы дѣйствительно праязыковое *ei* измѣнилось на славяно-балтійской почвѣ въ предполагаемомъ г. Богородицкимъ направленіи, то вѣдь (послѣ перехода *e* черезъ *i* въ *j*) получилось бы въ праславянскомъ *ь* (изъ болѣе древняго *ъ* послѣ *j*), а въ балтійскомъ краткое *и* съ смягченіемъ предшествующаго согласнаго (откуда же въ такомъ случаѣ долгота *и* въ лит. *liūbiu*?). И поэтому не только „нѣкоторые“ изслѣдователи, какъ выражается авторъ, но всѣ, которые мало-мальски изучали исторію балтійскихъ языковъ, убѣждены въ томъ, что рефлексъ праязыковаго *ei* еще въ славяно-балтійскую эпоху совпалъ съ рефлексомъ праязыковыхъ *ai* и *oi*, не соглашаясь пока другъ съ другомъ только въ вопросѣ, считать ли смягченіе согласнаго, предшествующаго славянскому *у*, балтійскому *ai* (на мѣстѣ первоначальнаго *ei*), обязательнымъ, или нѣтъ, при чемъ теперь все болѣе и болѣе распро-

страняется мнѣніе, по которому это смягченіе слѣдуетъ считать нормальнымъ.

На стр. 345 лат. *fio* „дѣлаю“ возводится къ **fēio* (sic). Объясненіе это, вѣроятно, оригинально (ожидалось бы, впрочемъ, значеніе „дѣлаю“), но пока г. Богородицкій намъ не объяснитъ, отчего въ словахъ *fleo* (изъ **bhlēiō*) „плачу“, *neo* (изъ **nēiō*) „пряду“ и др. мы имѣемъ въ корнѣ не *i*, но *e*, я буду предпочитать обычную этимологию слова *fio*.

На той же страницѣ греч. ἵημι „бросаю“ производится отъ корня *zē-* „сбѣять“. Эта этимологія когда-то прежде пользовалась большою популярностью, но теперь настолько оспаривается (въ виду сходства греч. ἵημι съ лат. *jēcī*), что не слѣдовало повторить ее безъ всякой оговорки, особенно въ книгѣ, назначенной для болѣе широкой публики. Тамъ же приводится лит. *šėmū* „сбѣя“, между тѣмъ какъ Куршату извѣстна только форма множ. числа *šėmenys* или *šėmens*, Неесельману же—*šėmi*.

На стр. 346 дается лит. *broterėlis*, между тѣмъ какъ слѣдовало писать *broterėlis*.

На стр. 352 сл. авторъ говоритъ, что для праязыка принимаютъ (также передъ гласными) долгіе слогаобразующіе плавные и носовые (при чемъ въ качествѣ примѣровъ даются скр. *puri-* „городъ“: гр. πόλις;; скр. *guru-* „тяжелый“: гр. βαρός: лат. *gravis*;; скр. *giri-* „гора“: лит. *giria* „лѣсъ“: слав. *гора*; греч. θανείν), но что онъ лично не склоненъ предпологать долгихъ слогаобразующихъ плавныхъ и носовыхъ въ положеніи передъ гласными. Личное мнѣніе автора въ данномъ случаѣ является до такой степени господствующимъ въ лингвистикѣ, что автору, вѣроятно, было бы довольно трудно указать, кто теперь еще усматриваетъ въ приведенныхъ формахъ рефлексы долгихъ носовыхъ и плавныхъ сонантовъ.

Въ первой выноскѣ на стр. 354 говорится, что въ индо-иранскомъ гласный *i* (тамъ, гдѣ онъ соотвѣтствуетъ европейскому *a*) „выработался уже послѣ эпохи смягченія задне-язычныхъ согласныхъ въ шипящія, такъ какъ передъ нимъ этого смягченія не наблюдается, срв. скт. *gāyati* „поетъ“ || *gāyāte* (стр.), *gītāh* (прич.)“. Иногда, правда, полагаютъ, что краткое *i* въ такихъ случаяхъ вытѣснено долгимъ *i*. Такъ, наприм., Бругманъ (Kurze vgl. Gramm., 512) считаетъ скр. *-nīmas* въ I л. множ. ч., напр. *jānīmas* „знаемъ“, новообразованиемъ вмѣсто **-nīmas*, ссылаясь на то, что въ родственныхъ языкахъ нѣтъ никакого *i* тутъ послѣ *n*; а между тѣмъ ср. латышск. *zinim* „знаемъ“

(при *zini* „знаю“ и *zināt* „знать“) и прусск. *-sinimai* (при *-sinna* и инфин. *-sinnat*), при чемъ латышск. *zinim*: скр. *jānīmas* (изъ **janīmas*)=латышск. *sēdim* (діал.), лит. *sēdime* „сидимъ“: прксл. *сидимъ*. Что же до приведенныхъ г. Богородицкимъ формъ, то общезвѣстно, что *i* въ нихъ восходитъ къ индоевропейскому *i*, ср. лит. *pragįsti* „запѣть“, *gėdoti* „пѣть“ (при чемъ *g* въ санскритскихъ формахъ передъ *i* перенесено изъ *gāyati* и др.), и поэтому слѣдовало скорѣе сослаться на примѣры въ родѣ скр. *tigita-* „острый“ (рядомъ съ которымъ, впрочемъ, стоитъ *tigma-*), при чемъ въ такомъ случаѣ приходится, однако, выводить скр. *duhitar-* „дочь“ изъ **dughitar-*. Для меня лично этотъ вопросъ не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ я, подобно Педерсену KZ. 36, 75 слл., не признаю для праязыка рядомъ съ *a* еще особаго *ə* (произношеніе котораго мы не можемъ даже приблизительно себѣ представить; предложеніе Бругмана, Griech. Gramm.³ 24¹, приносить это *ə* какъ *ä* (звукъ средній между *a* и *e*), конечно, чистый произволь). Къ вопросу объ индо-иранскомъ *i* (вмѣсто ожидаемаго *a*) я еще намѣренъ вернуться, какъ только мнѣ это позволятъ мои ближайшія задачи.

На стр. 359 говорится, что въ готскомъ изъ первоначальныхъ взрывныхъ глухихъ при удареніи и „звонкомъ сосѣдствѣ“ внутри словъ получаютъ звонкіе взрывные *g, d, b*, при чемъ въ качествѣ примѣра дается гот. *fadár*. А между тѣмъ извѣстно, что тутъ получаютъ не звонкіе взрывные, но звонкіе спиранты, которые потомъ далѣе при извѣстныхъ условіяхъ переходятъ въ звонкіе взрывные; въ гот. же *fadar* буква *d* обозначаетъ звонкій спирантъ (писать это слово съ удареніемъ не слѣдовало, такъ какъ несвѣдущій читатель можетъ считать это удареніе въ готскомъ засвидѣтельствованномъ, тогда какъ гот. *fadar*, вѣроятно, уже имѣло удареніе на первомъ слогѣ).

На той же стр. говорится, что въ кельтскомъ согласный *p* между гласными перешелъ въ спиранты *f, ð* (sic!), хотя извѣстно, что *p* исчезло между гласными такъ же, какъ въ началѣ словъ.

На стр. 358 говорится, что тотъ согласный индоевропейскаго праязыка, къ которому восходитъ, наприм., *e* въ р. *десять*, „обычно“ обозначается посредствомъ *K'*; вѣрнѣе было бы сказать: обычно обозначался лѣтъ 20—30 тому назадъ.

На стр. 359 литовскому *laukas* приписывается значеніе „блѣдный“; это, вѣроятно, неправильно понятое нѣм. „mit einer Blässe“ (у Куршата), т. е. *лысый* (по отношенію къ лошадямъ и рогатому скоту).

На той же стр. прксл. *коуж* сближается безъ всякой оговорки съ

греч. *καίω*, что слишкомъ сомнительно въ виду несходнаго значенія; относительно славянскаго слова ср. наприм. этимологическій словарь Walde подъ *сидо*.

Въ третьей выноскѣ на стр. 360 дается несуществующее латышское *pišū* „дую“; слѣдовало писать: *pīšū* или (съ обозначеніемъ нисходящей интонаціи) *pīšū*.

Если тамъ же далѣе говорится, что нижнелитовское нарѣчіе представляетъ смягченіе сочетаній *tj*, *dj* пока только въ „непереходномъ“ видѣ, т. е. какъ *t'* и *d'*, то это слишкомъ неточно даже по отношенію къ одной лишь части нижнелитовскихъ говоромъ, такъ какъ ни въ одномъ нижнелитовскомъ говорѣ не извѣстны формы въ родѣ *diāuti* (вмѣсто *džiāuti* или *dziāuti*), ср. указанія Явниса въ описаніи Россіенскаго уѣзда, 25 сл.

Во второй выноскѣ на стр. 363 говорится, что „вѣроятно, *j* въ санскритѣ, отражая собою *g*¹ и *g*² (смягч.), произносилось не одинаково въ этихъ двухъ случаяхъ“. Что уже въ ведическомъ санскритѣ *j* произносилось во всѣхъ словахъ одинаково, видно изъ того, что уже въ ведахъ иногда возникаютъ формы съ *g* (к) рядомъ съ тѣмъ *j*, которому соответствуетъ авест. *z*, по аналогіи отношенія *g* (к) къ тому *j*, которому и въ авестѣ соответствуетъ *j*, ср., наприм., Wackernagel, Altind. Grammatik, 161.

Во второй выноскѣ на стр. 366 говорится: „*dh* дало въ лат. внутри слова *b* при слѣдующемъ *r* (*rubro*-), иначе было бы *d*“. Какъ извѣстно, *b* получается изъ *dh* также передъ *l* (*stabulum*) и послѣ *r* (*verbum*) и *u* (*über*).

Въ третьей выноскѣ на стр. 366 говорится: „По изслѣдованію акад. Ф. Θ. Фортунатова оказывается, что сочетаніе R+dentalis удерживается въ санскритѣ, тогда какъ L+dentalis отражается въ видѣ соответствующаго церебральнаго согласнаго съ утратою предшествующаго L“. Это не совсѣмъ точно, такъ какъ по мнѣнію Фортунатова, предполагающаго для индоевропейскаго праязыка три плавныхъ звука (*r*, *λ*, *l*), удерживается въ санскритѣ не только первоначальное *r*, но (въ видѣ *r*) также первоначальное *λ*, между тѣмъ какъ утрата подвергается только первоначальное *l*.

На стр. 367 говорится, что въ греческомъ „спиранты *j*, *v*, *s*“ въ началѣ словъ, передъ гласными, обратились въ густое придыханіе. Нормальнымъ рефлексомъ первоначальнаго *u* (*w*) въ такомъ положеніи, однако, считается не *spiritus asper*, но *spiritus lenis*.

На стр. 368 сообщается, что праязыковые сонанты *n*, *m* въ кельт-

скомъ (въ ирландской его вѣтви) обратились въ *in*, *im*. Какъ показываетъ, однако, Педерсенъ, Vergl. Grammatik der kelt. Sprachen, 45 сл., ирландскими рефлексами *n*, *m* слѣдуетъ, вѣроятно, считать не *in*, *im*, но *en*, *em*.

Къ стр. 371 сл. По мнѣнію проф. Богородицкаго, такіе случаи, какъ скр. *tr̥dhá-* „раздробленный“, показываютъ, что *r* въ санскритѣ не получалъ замѣнительнаго удлиненія. А между тѣмъ, какъ извѣстно, размѣръ намъ показываетъ, что *tr̥dhá-*, *dr̥dhá-* „крѣпкій“ и др. въ Ригведѣ имѣли еще долгое *r*.

На стр. 372 авторъ, ссылаясь на то, что въ славянскомъ подверглось измѣненію въ *x* только то *s*, которое восходитъ къ индоевропейскому *s*, заключаетъ, что для начала праславянской эпохи нужно принять, что тогда еще различались потомки индоевропейскаго *s* и того звука, къ которому восходитъ *c*, наприм. въ *десять*. Это заключеніе я считаю слишкомъ поспѣшнымъ, такъ какъ аналогичному измѣненію въ *š* (откуда и слав. *x*) при сходныхъ фонетическихъ условіяхъ подверглось праязыковое *s* также въ сосѣднемъ индо-иранскомъ и отчасти также въ литовскомъ (если прусскій и латышскій языкъ болѣе не знаютъ этого измѣненія *s* въ *š*, то надо имѣть въ виду, что вообще литовскимъ *s* и *š* въ прусскомъ и латышскомъ теперь соответствуетъ одно *s*), такъ что измѣненіе *s* въ *š*, вѣроятно, восходитъ по крайней мѣрѣ въ эпоху славяно-балтійскую. А если это такъ, то оба вида *s* въ началѣ праславянской эпохи могли уже произноситься одинаково, и отстаивать можно мнѣніе автора только указаніемъ на то, что еще въ литовскомъ различаются *s* и *š*.

На стр. 394 сл. авторъ, говоря о причинахъ различія окончаній *-(e)r* и *-(e)rus* въ ном. s. второго латинскаго склоненія, заявляетъ, что, по его мнѣнію, „основная причина различія этихъ образованій заключается въ разномъ происхожденіи *r*“. Что *-(e)rus* сохраняется, если оно восходитъ къ *-(e)sos*, это извѣстно, но извѣстно также сохраненіе *-rus* (также съ первоначальнымъ *r*) въ положеніи послѣ долгаго гласнаго и въ двусложныхъ словахъ (за исключеніемъ *vir*) также непосредственно послѣ краткаго гласнаго (наприм., *ferus*).

На стр. 403 греческое окончаніе *-ov* для gen. s. II склоненія возводится къ праязыковому *-ojo*. Слѣдовало, по крайней мѣрѣ, упомянуть о возможности возводить окончаніе *-ov* къ *-oso*, въ пользу чего говорить данныя германскихъ и славянскихъ языковъ.

На той же стр. авторъ предлагаетъ читателю старое объясненіе ессалійскихъ формъ gen. s. II склоненія на *-oi*, по которому это

окончаніе перенесено сюда изъ мѣстнаго падежа. Ср. однако Brugmann, Grundriss, II², 162, и указанную тамъ литературу.

На стр. 404 говорится, что „въ греческомъ, съ утратой безпредложнаго мѣстнаго падежа, древній оборотъ *Locat. absol.* замѣнился черезъ *Genitivus absolutus*“. А между тѣмъ, какъ извѣстно, *genitivus absolutus* встрѣчается уже у Гомера, который еще употребляетъ мѣстный падежъ безъ предлога; и такой же *genit. absolutus* (рядомъ съ *locat. absolutus*) извѣстенъ въ санскритѣ и авестѣ, такъ что вообще нѣтъ никакого основанія считать *locat. absolutus*, который намъ извѣстенъ только изъ индо-иранскихъ языковъ, чѣмъ-то болѣе древнимъ.

На стр. 404 и 405 говорится, что въ праязыкѣ *genit.* и *locat. du.* имѣли одну и ту же форму. Этому противорѣчатъ данныя иранскихъ и балтійскихъ языковъ, ср. Brugmann, Grundr., II, 2², 207.

Тамъ же авторъ еще отстаиваетъ старое объясненіе окончанія *-ī* для *gen. s.* II латинскаго склоненія, по которому это собственно окончаніе мѣстнаго падежа. А между тѣмъ извѣстно, что въ древне-латинскихъ надписяхъ, которыя еще различаютъ звуки *ei* и *ī*, *gen. s.* II склоненія всегда оканчивается на *-i* (т. е. *ī*), и что это же окончаніе *-ī* имѣлъ *gen. s.* основъ на *-o* въ кельтскомъ.

На стр. 406 говорится объ окончаніи *-is* для *gen. s.* III латинскаго склоненія, что оно „могло распространиться отъ основъ на *-i*, гдѣ оно получилось изъ дифтонга *-ei*“. Но вѣдь изъ этого дифтонга, какъ извѣстно, получилось бы окончаніе съ долгимъ *i* (а передъ *-s* долгота не сокращалась), между тѣмъ какъ въ окончаніи *-is* краткое *i*, которое, какъ извѣстно, восходитъ къ древнему *e*, какъ и въ окончаніи *-is* II л. ед. ч. наст. вр. III спряженія.

На стр. 407 авторъ безъ достаточнаго основанія считаетъ окончаніе *-ae* для *dat. s.* I латинскаго склоненія образованіемъ по аналогіи (къ *loc. s.*), а не отраженіемъ первоначальнаго окончанія *-āi*, ср. Sommer, Handbuch der lat. Laut- und Formenlehre, § 193.

На стр. 415 проф. Богородицкій цитируетъ изъ сравнительной грамматики Боппа (послѣ появленія трудовъ Бартоломэ!) авест. форму *yahmya* въ роли мѣстн. пад. женск. р. и вмѣстѣ съ тѣмъ творит. пад., между тѣмъ какъ теперь за этой формой признается только значеніе *locat. s.* муж. и средн. р., употребляющагося изрѣдка также въ значеніи нарѣчія „гдѣ“.

На стр. 422 говорится: „Быть можетъ, и греч. *-ōv* перваго скло-

ненія произошло изъ $\alpha\sigma\omega\nu$. Въ этомъ до сихъ поръ никто не сомнѣвался въ виду эол. $\bar{\alpha}\omega\nu$, ion. $\epsilon\omega\nu$, дор. $\bar{\alpha}\nu$.

Тамъ же далѣе говорится объ окончаніи $-o$ для gen. pl. въ славянскомъ, что „Бругманъ возводитъ это окончаніе къ $*-om$, первоначально будто бы свойственному согласному склоненію“. А между тѣмъ *теперь* Бругманъ возводитъ это окончаніе къ $-\bar{o}m$, ср., напримѣръ, Grundr., II 2^a, 238.

Тамъ же говорится, что въ dat. — abl. pl. санскритское окончаніе $-bhyah$ можно сопоставить съ латинскимъ $-bus$, предполагая, что $-bus$ произошло изъ $*-bos$ (звѣздочка тутъ является лишнею, такъ какъ въ древне-латинскихъ надписяхъ еще встрѣчается окончаніе $-bos$) < $*bios$ (что современною лингвистикою не признается возможнымъ). Тамъ же далѣе приводятся латинскія формы (dat. — abl. pl.) $deabus$ $deobus$ (sic!). Форма $deabus$ извѣстна, и въ надписяхъ встрѣчается также $dibus$ (отъ $deus$), но откуда взялъ проф. Богородицкій форму $deobus$?

На стр. 423 авторъ говоритъ, что, просматривая грамматику Monro, онъ могъ убѣдиться, что у Гомера (и до извѣстной степени даже еще у Тиртея) „еще существуетъ семасіологическая разница между окончаніями $-οισι$ и $-οις$, причемъ окончаніе $-οισι$, часто съ предлогомъ мѣстнаго значенія, служитъ для выраженія loc. pl., тогда какъ окончаніе $-οις$, одно или съ соотвѣтствующимъ предлогомъ, — для instr. pl.“ Стоитъ прочесть лишь нѣсколько страницъ самого Гомера, чтобы убѣдиться въ сомнительности этого открытія; окончаніе $-οις$ у Гомера встрѣчается сравнительно рѣдко, если не считать случаевъ, гдѣ оно дается передъ гласными.

На стр. 429 сл. авторъ оспариваетъ господствующее мнѣніе, по которому санскритское окончаніе $-\bar{a}mi$ для I л. ед. ч. наст. врем. новообразование вмѣсто первоначальнаго $-\bar{a}$ (=европ. $-\bar{o}$; слѣдовало однако при этомъ упомянуть, что и въ авестѣ еще встрѣчается окончаніе $-\bar{a}$ для I л. ед. ч. наст. вр. *изъявительнаго* наклоненія), между тѣмъ какъ на стр. 280 онъ безъ всякой оговорки возводитъ скр. $bh\bar{a}r\bar{a}mi$ къ $*bh\bar{a}r\bar{a}$ (=греч. $\varphi\acute{\epsilon}ρω$).

Затѣмъ еще укажу, что отдѣльные очерки снабжены полезными библиографическими указаніями, при чемъ труды русскихъ ученыхъ, особенно же „казанцевъ“, приводятся (что вполнѣ естественно и до извѣстной степени и желательно) почти все, не исключая статейки о „случаѣ афазіи“ въ журналѣ „Врачъ“ (въ концѣ очерка „О частяхъ рѣчи“). Въ подборѣ же трудовъ другихъ языковѣдовъ замѣтна извѣ-

